

Последние заседания Госсовета

14 ноября на Госсовете развернулся острый спор о том, что нужно народам, населяющим эту огромную страну: союзное государство или союз государств? Может показаться, что спор чисто словесный. Но за ним стоял вопрос, будет ли у нас одна страна, или мы разделимся на несколько государств со всеми вытекающими последствиями для граждан, экономики, науки, вооруженных сил, внешней политики и т.д.

Четырехчасовая дискуссия завершилась согласием в том, что это должно быть конфедеративное союзное государство. Тут же, в Ново-Огареве, на пресс-конференции все руководители республик вышли к телеобъективам. Мне казалось, что некоторые мои партнеры склонны упрощенно толковать аргументы в защиту союзного государства. Выступая последним на той пресс-конференции, я сказал: «Договор о Союзе Суверенных Государств просто необходим как база для реформирования нашего унитарного многонационального государства. Необходим и для решения самых неотложных задач. Без согласования между республиками реформы не пойдут. Согласование нам необходимо, потому что мы так сложились и деваться нам некуда. Сейчас делиться, гадая, хорошо ли это получится или нет, недопустимо. Если разойдемся по национальным обособленным государствам, то даже в рамках Содружества процесс согласования и взаимодействия необычайно усложнится».

Представляет интерес документальный комментарий «Известий» об итогах заседания Госсовета 14 ноября.

«СОЮЗ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ» (ССГ)

Событие, которое произошло в подмосковном Ново-Огареве 14 ноября, можно назвать обнадеживающим. Семь суверенных республик, участвовавших в заседании Госсовета, высказались за создание нового политического союза. Это своего рода сенсация. В последнее время мало кто верил в возобновление работы над Союзным договором — по крайней мере в ближайшем будущем. И все же сама жизнь расставляет все по местам. Многие республики пришли к выводу, что без политического союза продвигаться дальше невозможно.

Основное время члены Госсовета потратили на обмен мнениями по поводу статуса будущего Союза. Рассматривалось три варианта. Это — просто союз суверенных государств, не имеющий своего государственного образования. Или союз с централизованной государственной властью — федеративный, конфедеративный. И третий вариант — союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и без названия. Обсуждалось несколько компромиссных решений. В конце концов участники сошлись на том, что будет Союз Суверенных Государств — конфедеративное государство, выполняющее делегированные государствами — участниками договора функции.

Россия. Борис Ельцин: «Трудно сказать, какое число государств войдет в союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет».

Казахстан. Нурсултан Назарбаев: «Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а за союз, который реально сегодня существует. Это союз суверенных государств — самостоятельных и равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения Казахстана. Каким будет этот союз в конечном счете — конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее».

Беларусь. Станислав Шушкевич: «По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, союз будет».

Кыргызстан. Аскар Акаев: «Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности — союз будет».

Туркменистан. Сахат Мурадов (Председатель Верховного Совета республики): «На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств».

Таджикистан. Акбаршо Искандаров (заместитель Председателя Верховного Совета): «Наша республика с самого начала была за союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет».

Казалось, было сделано все, что в человеческих силах, чтобы сохранить союзное государство, завершить огромную работу над проектом Договора, преступно прерванную в августе. Но в этом трехлетнем марафоне пришлось одолеть еще один этап. Я имею в виду заседание Госсовета 25 ноября, на котором Ельцин вновь потребовал заменить формулу «Союзное государство» на «Союз государств» и заявил об отказе парафировать текст до рассмотрения его Верховным Советом.

Ссылка на парламент была не более чем уловкой. Я знал о настроениях в российском парламенте и был уверен, что там мало кто будет поддерживать ельцинскую формулу.

Будучи, не скрою, крайне раздраженным этим вероломством, я взял себя в руки и начал урезонивать Ельцина, настаивая на выполнении решений, согласованных всего десять дней назад. Но уже начинало

срабатывать новое соотношение сил. Сначала Шушкевич, затем и некоторые другие, видимо, не желая вступать в ссору с российским лидером, заколебались. Тогда я заявил:

— С меня достаточно. Участвовать в развале Союза не буду. Оставляю вас одних, решайте. И помните, что на вас падет вся ответственность за судьбу страны.

Несмотря на попытки остановить меня, я встал и ушел в свой кабинет на первом этаже. Со мной вышли все «союзники». Через полчаса спустились Ельцин с Шушкевичем. Скрывая досаду, что пришлось все-таки на этот раз отступить, мне вручили текст сообщения о заседании, согласованный оставшимися наверху.

Взяв сообщение, убедился, что оно приемлемо, ограничился небольшими поправками, которые «парламентеры» приняли.

14 ноября мы условились на следующем заседании окончательно согласовать текст, парафировать каждую страницу и передать Верховным Советам, в печать. Почему же Ельцин, а за ним и другие не захотели ставить свои подписи? Думаю, советники уговорили его сохранить свободу рук для очередных поправок уже «под занавес» всей работы над Договором. Не исключаю, Президент России уже тогда знал, что документ этот так и не вступит в силу, а посему не хотел его визировать.

Сразу после заседания состоялась пресс-конференция. Я рассказал журналистам, что все принципиальные положения проекта остались без изменений. Но некоторые поправки все же внесены. Согласились упразднить должность председателя в будущем двухпалатном Верховном Совете ССГ. По настоянию республиканских лидеров «восстановили» Госсовет как орган согласования внутренней и внешней политики под руководством президента. Уточнили статус союзной прокуратуры — она должна была стать органом надзора за соблюдением законов при Верховном суде Союза. «Поточили» формулу, касающуюся принципов координации внешней политики.

Журналисты спросили меня на пресс-конференции, сохраняется ли возможность подписания Договора в начале декабря. Я ответил: в начале декабря нет, а к середине, к 20-м числам, вполне вероятно. Предстоит работа в комитетах, в Верховных Советах, потом дебаты и одобрение, формирование полномочных делегаций, которым будет поручено окончательно доработать текст и подписать его.

Помню, кто-то спросил, сохраняется ли у меня надежда, что к Договору присоединятся другие республики, не участвовавшие на последнем этапе в ново-огаревских консультациях. Я ответил положительно. Добавил: «И Украина будет участвовать. Не мыслю себе Союзного договора без Украины».

Корреспондент «Труда» поинтересовался, будет ли отдельно обсуждаться вопрос о названии нашего нового государства, поскольку аббревиатура «ССГ» уже подвергается критике. Я рассказал журналистам, что обратил внимание руководителей республик на критические публикации в прессе по этому поводу, предложил еще раз подумать. Но практически все стояли за Союз Суверенных Государств.

Кто-то из журналистов задал этот вопрос и Ельцину: некрасиво-де звучит аббревиатура «ССГ». Тот отшутился:

— Ничего, привыкнем.

А привыкать по воле «беловежской троицы» пришлось к СНГ. Привыкнем ли?

Вероломство

Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора, вдруг заявил, что может встать вопрос об иной форме объединения. Я сказал, что разговор мы должны продолжить в Москве с участием руководителей Украины и Казахстана.

Когда же я узнал, что в Минск приехали Бурбулис и Шахрай, мне все стало ясно. Именно Бурбулис писал Ельцину записку, смысл которой состоял в том, что Россия, мол, потеряла уже половину из того, что она выиграла в результате разгрома путча, что «хитрый Горбачев» плетет сети, реанимирует союзный центр и его будут поддерживать республики. Все это России не выгодно, надо любой ценой предотвратить реализацию подобного сценария.

Итак, в Минске, в Бресте состоялась встреча трех президентов: России, Украины, Беларуси. И приняты были решения — вопреки тому, о чем мы договаривались на Госсовете СССР.

С 25 ноября минуло всего две недели, а Ельцин, вероломно нарушив свои обязательства, поставил подпись под документом, ликвидирующим Советский Союз.

Мне уже приходилось, и не раз, рассказывать о трагических событиях декабря 1991-го. Главное, что

считаю нужным добавить сегодня: истекшие три года должны были убедить каждого, кто способен трезво рассуждать, что решение, принятое тремя президентами в Беловежской пуще, было в корне ошибочно.

Если даже исходить из того, что участники Беловежского соглашения, как сами они утверждают, не имели другого выхода, хотели спасти что можно, учредить хотя бы Сообщество, если не удастся создать конфедерацию, то прошедшее время опровергло все эти утверждения.

Подтвердилось то, в чем я без устали и без успеха пытался убедить своих тогдашних партнеров: потери от распада СССР явятся колоссальным потрясением, несоизмеримым ни с какими приобретениями от суверенитетов. Ничего путного не получилось из Содружества. И в то же время все сильнее дает о себе знать тяга к интеграции, к объединению, к спасению хотя бы того, что еще можно спасти общими усилиями. Но, видимо, придется делать это заново, искать уже другие решения. Сделать это смогут только руководители следующего поколения, наученные нашим горьким опытом, способные поставить народные интересы и права человека выше национального и группового эгоизма.

3 декабря 1991 года сотрудник президентского аппарата Ю.М. Батурин, не встретившись со мной, оставил записку. Вот ее содержание: «Михаил Сергеевич, сегодня много новостей из Белого дома относительно Союзного договора, в том числе и неафишируемых. Завтра будет подготовлено заключение Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР».

К этой записке прилагались два документа. Один — замечания к проекту договора Комиссии Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям. Замечания датированы 29 ноября и свидетельствуют о том, что депутаты решительно настроены в пользу Союзного договора. Более того, комиссия считала, что вопрос о формировании союзного бюджета, его доходной части должен быть определен в самом договоре, без ссылок на какие-то другие соглашения. Тем самым депутаты фактически высказались за необходимость федеральных налогов и сборов. И другие замечания носили конкретный, деловой характер, расширяли сферу совместных действий, функции союзных органов.

Вот почему при наших встречах я обратил внимание Ельцина, что вопреки высказывавшимся им опасениям в Верховном Совете России не следует ожидать оппозиции Договору. Напротив, депутаты считают, что он нужен, и счет идет на часы.

В то же время, по сведениям из конфиденциальных источников, Бурбулис и К° готовили свой тактический ход: в последний момент отвергнуть проект Союзного договора, уже направленный в республики, и предложить совершенно иной. Тот самый, который впоследствии был извлечен из кармана госсекретаря и, как свидетельствуют очевидцы, наспех завизирован в Беловежской пуще. Как теперь стало ясно, замысел состоял в следующем. Официально инициатором нового договора должен был стать Кравчук. Признаюсь, у меня до недавнего времени оставались сомнения, вел ли Ельцин все эти месяцы двойную игру или все-таки проявил «слабину» в последний момент, сдался под напором своих советников и Кравчука, да еще в «теплой обстановке». Не верилось, что человек способен на такое коварство. Но, встречаясь в 1993 году с членами депутатской группы «Смена» в бывшем Верховном Совете России, я узнал от одного из депутатов, входившего в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина, следующее.

После возвращения из Минска в декабре 91-го Президент России собрал группу близких ему депутатов, с тем чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно президент ударился в 40-минутные рассуждения, с вдохновением рассказывал, как ему удалось «навесить лапшу» Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. «Надо было выключить Горбачева из игры», — добавил Ельцин.

Комментарии, как говорится, излишни. Президент России и его окружение фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле.

Черные дни Союза и России

Первые дни декабря были наполнены тревогой. Не только журналисты, но и зарубежные государственные, общественные деятели искали контактов со мной. Они хотели знать, что происходит и какая судьба ждет те грандиозные начинания, которые оказали огромное воздействие на всю мировую ситуацию.

А ситуация выглядела так. Проходит день, никаких новостей из Минска до меня не доходит, никому ничего не известно. Подумалось: решили «расслабиться» — так оно и было. Но потом я начал интересоваться, что же там происходит. Оказалось, через мою голову ведут разговоры с министрами, в том числе с Шапошниковым, а он, как и Баранников, не счел нужным меня информировать. Я позвонил

министру обороны и спросил, что происходит. Он извивался как уж на сковородке, но все же сказал, что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных вооруженных сил в будущем государственном образовании. Ничего, мол, больше не знаю. Откровенно врал. (Шапошников сейчас «философствует» по поводу событий тех дней, но я-то, грешным делом, думаю, что он пытается замутить ситуацию с его поведением в те дни как министра обороны Союза.)

Наконец вечером раздался звонок Шушкевича, которому, оказывается, Ельцин и Кравчук поручили в их присутствии сообщить мне о принятых решениях. Он сказал, что уже был разговор с Бушем и тот «поддержал».

Я попросил передать трубку Ельцину и сказал ему: «То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с Президентом Соединенных Штатов, — это позор, стыдобища!» Потребовал более подробной информации. Была подтверждена договоренность о встрече назавтра, в понедельник.

В тот день в Москву по договоренности прилетел Назарбаев. Узнав о событиях в Минске, стал советоваться со мной, сказал, что его туда приглашают. Я поинтересовался, что он сам думает. Видел: оскорблен случившимся. И вместе с тем почувствовал, что, если бы его позвали раньше, и он бы поехал. Наверное, это было бы лучше. Хотя трудно предугадать.

Свое официальное отношение к Минскому соглашению я выразил в Заявлении Президента СССР, опубликованном 10 декабря. В нем подчеркивалось: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов. Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе. Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР».

Поскольку в соглашении провозглашалась «иная формула государственности», я заявил о необходимости созвать Съезд народных депутатов СССР, не исключал и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

11 декабря я дал интервью главному редактору «Независимой газеты» Виталию Третьякову. — Не кажется ли вам сегодня, — спросил он, — что ваша политика, нацеленная на подписание Союзного договора, и включенный в нее ново-огаревский процесс оказались ошибочными?

— Нет, я убежден, что Союзный договор как база для реформирования унитарного многонационального государства просто необходим. Я не собираюсь претендовать на лидерство в каких-то новых структурах, выдвигать свою кандидатуру — для меня это вопрос неактуальный. Я бьюсь за то, что нам нужно союзное государство, суверенные государства сами договариваются и сами формируют тот центр, который им нужен. Но обязательно Союз...

Не выдерживают критики утверждения ельцинистов, что-де у «героев» Беловежской пуши не было выбора, что Украина «уходила» и идея Союза лишилась всякой перспективы. Это — сплошная ложь.

Еще до того, как Кравчук использовал референдум 1 декабря, чтобы заблокировать подписание Украиной Союзного договора, было достигнуто согласие, что будет конфедеративное государство с общим рынком, согласованной внешней политикой, едиными вооруженными силами, общими валютой, банковским союзом, энергетикой, космической деятельностью, транспортом и связью, то есть всеми теми сферами, где Союз работает для всех.

В Минском заявлении говорится, что «договорный процесс зашел в тупик». Я спрашиваю: кто в тупике? Восемь республик готовы были подписать Союзный договор, в парламентах начались обсуждения. В тупике Украина? Ну так давайте не будем все в этот тупик рваться, а поможем Украине.

Наконец, уместно спросить: что, развалив Союз якобы ради связей с Украиной, Ельцин спас эти связи? Напротив, в рамках СНГ они оказались в самом плачевном состоянии.

Вернувшись из Минска, Ельцин пришел ко мне. Небезынтересно, что предварительно он выяснял по телефону, насколько безопасен его приход ко мне: понимал, что нашкодил. В беседе, как и намечалось, участвовал и Назарбаев, хотя Ельцину это не понравилось. Разговор был тяжелым: «Вы встретились в лесу и «закрыли» Советский Союз. Речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик. Я остаюсь верен своей позиции, но буду уважать выбор, который сделают республики, парламенты. Если мы за демократию и реформы, то должны действовать по демократическим правилам. Ведь вы же не с большой дороги!»

Акция в Минске поставила азиатские республики перед свершившимся фактом. Эффект «отталкивания», намек на «вторичность» азиатских государств в определении характера Содружества не пройдут даром. Была допущена большая, может быть, даже историческая ошибка.

Руководители и парламенты Казахстана, государств Средней Азии проявили тогда реализм, заняли, я бы сказал, более цивилизованную позицию, чем их европейские коллеги.

Ашхабадская, а затем Алма-Атинская встречи несколько сбалансировали грубый перекос, допущенный в Минске. Содружество — взамен Советского Союза — получило большую легитимность. Однако логику дезинтеграции принятые там документы не поломали. Многие существенные для жизнеспособности Содружества вопросы оставлены в виде деклараций о намерениях, да и то по-разному толкуемых. Последовавшее поведение Украины и другие события — тому свидетельство.

Вообще, все происходящее после «Пущи» я не могу охарактеризовать иначе как иррациональное. В российском парламенте все, кроме тринадцати депутатов, голосуют «за». Хасбулатов спустя год-два весьма сожалел, что добивался ратификации беловежского соглашения, обращался к Зюганову с просьбой уговорить депутатов-коммунистов голосовать «за».

На встрече с прессой 12 декабря мне, в частности, задали вопрос: не примешивается ли к моей оценке сделанного в Минске и Беловежской пушке горечь поражения? — Нет! Я об этом сказал и Ельцину, мы с ним всегда говорили откровенно. Я не разделяю позицию создателей СНГ, но обсуждаю с ними все интересующие их вопросы.

После Минска я встречался с Ельциным, Назарбаевым, Муталибовым, Набиевым, беседовал с Кравчуком, Шушкевичем, Акаевым. Вчера снова звонил мне Назарбаев. Сказал, что азиатские республики собираются обсудить свою совместную линию в Ашхабаде.

В конце концов, каждый в политике делает выбор. В свое время я был инициатором референдума, первого в истории нашего Отечества. Народ проголосовал тогда за Союз. Соглашаясь преобразовать его в Союз Суверенных Государств как конфедеративное государство, мы уже тогда отступали от того, что понималось под обновленным Союзом, за что голосовали на референдуме. Но все же могли говорить о единой стране, едином Отечестве.

По чести говоря, надо было и новое образование — Союз Независимых Государств — представить на суд народа. Пусть народ решит — согласен разделить страну или нет...

18 декабря я направил письмо участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств. Опубликовано оно было 20 декабря и осталось без последствий.

23 декабря, в течение многих часов, с небольшими перерывами, мы с Ельциным обсуждали вопросы перехода от союзного государства к СНГ. 25 декабря я подписал Указ о сложении полномочий Президента СССР и выступил по телевидению с обращением к народу, с которым я ознакомил читателя в начале книги.

Вновь и вновь возвращаюсь мысленно к событиям декабря. И прихожу к выводу, что поступить иначе я не имел права. Пойти наперекор решениям 11 республик, когда их Верховные Советы одобрили Минское соглашение, значило развязать в стране кровавую бойню, которая могла перерасти во вселенскую катастрофу. А мое тогдашнее состояние, логику действий в известной мере передают приводимые рассуждения из беседы с корреспондентами «Комсомольской правды» (24 декабря 1991 г.).

— Знаете, — говорил я им, — хотя в эту концепцию Содружества не верю, раз пошли республики, я не могу, не считаю возможным в нынешней сложнейшей ситуации раскалывать общество.

— У Бека в «Новом назначении», — сказал В.Фронин, — описывается такая болезнь: «сшибка», конфликт между внутренним состоянием личности и необходимостью выполнять свои функциональные обязанности. Возможно, показалось, но вы сейчас описали симптомы именно этой болезни.

— Я все-таки не раздваиваюсь, но есть интересы, которым подчиняюсь и как политик, и как человек. Если создание Содружества поможет согласию людей, надо смирить свою гордыню.

— У нас есть ощущение, что созданием Содружества вы в какой-то степени пугаете. Вы сами когда-то говорили, что нам «подбрасывают» то идеи о голоде, то о катастрофе, а теперь и у вас появились похожие интонации...

— Я и сейчас не хочу никого запугивать. Но об опасностях должен сказать? Думаю, самые большие опасности связаны с двумя моментами: с расчленением страны, с решением вопросов гражданства. Вы представляете ограниченное границами и паспортами передвижение в мире, где 75 миллионов живет за пределами своих родных мест? Вот об этом я думал, когда говорил, что мы заложим страшные бомбы.

— Все-таки и единый рубль сохраняется, и Украина не уходит.

— Еще неясно, объединение это или разъединение. Знаете, какая концепция была у Бурбулиса? Нужен центр, чтобы осуществить бракоразводный процесс независимых государств.

— Брак для развода? Вряд ли...